

The background of the entire cover is a photograph of a cave wall. It is covered with numerous handprints of various sizes, mostly in shades of ochre, red, and brown. The texture of the rock is visible, and the lighting creates a sense of depth and mystery.

Алексей Ю

**Рядовой
неандерталец**

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Алексей Ю

Рядовой неандерталец

«Автор»

2022

Ю А.

Рядовой неандерталец / А. Ю — «Автор», 2022

Что, если вы попадёте в отдаленное прошлое? Вы не мастер исторического фехтования, не ролевик-реконструктор и не спецназовец-выживальщик, а самый простой человек. Вы не знаете язык, не владеете оружием, и ваши знания об окружающем мире ограничиваются учебником истории пятого класса. Ваши шансы на выживание равны нулю. Сможет ли выжить отделение мотострелков в первобытную эпоху, населенную кровожадными хищниками и свирепыми дикарями, когда боезапас на исходе, а на носу сибирская зима ледникового периода? Борьба за выживание сержанта Соболева и его сослуживцев покажет вам истинную картину суровой жизни наших далеких предков. Содержит нецензурную брань.

© Ю А., 2022

© Автор, 2022

Содержание

Неандерталец	5
Книга 1. Дикость	5
Пролог	5
Глава 1.	7
Глава 2	12
Глава 3	19
Глава 4	25
Конец ознакомительного фрагмента.	27

Алексей Ю Рядовой неандерталец

Неандерталец

Книга 1. Дикость

Пролог

Погожим субботним утром в июне 1986 года Александр Александрович Соболев, простой учитель истории средней общеобразовательной школы, собирался на дачу. Участок в дачном кооперативе «Педагог» он получил осенью, перед этим почти три года кооператив согласовывал вопросы, получал резолюции и занимался прочей бюрократической волокитой. Соболеву участок достался неважный – на отшибе кооператива, с каменистой почвой, одной своей стороной прижатый к скалистому склону сопки. Тем не менее, наличие дачи для советского учителя, если уж не предмет роскоши, то во всяком случае отличное подспорье в семейном бюджете в виде самолично выращенных овощей, и книжку членства дачного кооператива Соболев получал с большой радостью.

Собрав нехитрый скарб, термос и бутерброды, Соболев добрался до автобуса и через сорок минут пыльной тряски в пригородном ЛИАЗе добрался до своих шести соток. В этом году они с супругой решили не садить огород, и все свободное время Александр Александрович занимался строительными работами. Первым делом обнёс участок забором из горбыля, в мае успел построить деревянный туалет. В планах стояло строительство летнего домика, для этих целей была оставлена заявка на выдачу ссуды, а пока, дожидаясь решения банка, Соболев подготавливал место под фундамент. Хотя для огородничества его участок подходил мало, место было на удивление живописным. Благодаря возвышенности, из окон будущего дома открывался панорамный вид на реку, за которой зеленели заливные луга, а дальше за ними темнел силуэт леса, в общем, «места отличные, воздушные места».

Достав припрятанную в куче горбыля лопату, начинающий дачник принялся рыть канаву под опалубку, чтобы заложить фундамент будущего дома и места для тяжелого и безрадостного отдыха в нерабочее время. Каменистая земля копалась с трудом, лопата то и дело звякала об камни, при этом больно отдаваясь в стопу. Как часто бывает при выполнении тупой механической работы Соболев в мыслях находился в другом месте, думал о своей работе в школе, о несостоявшейся кандидатской диссертации, в связи с ранней женитьбой и необходимостью заработка. Работая лопатой, он невольно и с ностальгией вспоминал студенчество и археологическую практику. Внезапно глаз «зацепился» за небольшие камешки странной формы. Заинтересовавшись, Соболев поднял один такой камешек и покрутил его в руках. Для абсолютного большинства людей это был бы обычный кусок гравия или щебня, но для историка и человека, не раз побывавшего в археологических экспедициях, камешек выглядел подозрительно, было похоже на то, что грани осколка имели искусственное происхождение. Чья-то рука произвела отщепы, пытаясь превратить природный камень в орудие труда или в оружие – наконечник стрелы или копья. Покопавшись у себя под ногами, Соболев насобирав еще с десятков подобных камней. При более тщательном осмотре он окончательно убедился, что перед ним так называемые нуклеусы – отходы, получаемые при производстве каменных орудий. Осколки, отщепы, забракованные заготовки... Соболев будто опьянел от столь неожиданной находки, и им тут

же овладел охотничий азарт, такой же, какой овладевает рыболовом, вытягивающим на берег крупную рыбу, или охотником, у которого на мушке долгожданная дичь. В течении еще полчаса Соболев ползал на коленях, руками перебирая комья земли и мелкие камушки, наконец, с трясущимися от волнения руками он выложил на чистую доску все свои находки: всего удалось найти двадцать четыре предмета, пока еще не артефакта, но уже явно со следами искусственной обработки. Присев и закулив, Соболев окинул взглядом окружающую местность, теперь уже не со стороны дачника любителя, но с точки зрения профессионального историка и археолога. Место было вполне подходящее для стоянки первобытного человека, в нем крепла уверенность в том, что удалось обнаружить следы жизнедеятельности именно человека первобытного. Рядом была вода. Сопка, у подножия которой он сейчас находился, каменным обрывом срывалась в реку и обнажала богатое месторождение камня, кроме того, возвышенность давала превосходный обзор и доминировала над окрестностью. Сразу припомнилась древне китайская поговорка: «строя себе дом, смотри на соседа, дорогу и воду». Река дает прекрасную возможность разнообразить мясной рацион рыбой, птицей, земноводными, к тому же, реки во все времена служили транспортными артериями, а хороший обзор позволял издали увидеть недружелюбных соседей.

Подстегиваемый профессиональным азартом, Соболев решил незамедлительно пробить несколько шурфов. Близость находок к поверхности земли, всего-то около полуметра, позволяла сделать выводы о небольшом культурном слое благодаря, возможно, эрозии почвы, и потому Соболев не стал углубляться далеко, сделав несколько колодцев в метр глубиной. Но больше ничего найти не удалось. Тем не менее, нуклеусы однозначно говорили о том, что в этом месте первобытный человек изготавливал орудия труда. Возможно, тут не было постоянной стоянки, возможно, это временная мастерская, но историк верил, что земля тут хранит немало сюрпризов. Тем временем начинало смеркаться, и Соболеву пришлось с большой неохотой поспешить на автобусную остановку, чтобы не опоздать на последний автобус. Дома он быстро помылся, переоделся и принялся составлять план местности, на котором отметил места находок, а также перспективные места первоочередных раскопок. Ему не терпелось поделиться радостью с кем-либо, но жена не особо впечатлилась рассказом о находке, ее больше заботила мысль о том, что теперь будет с их огородом. В мыслях она уже разбила участок на грядки, запланировала клумбы и место под теплицу, теперь же ее воображение рисовало бородатых мужиков с лопатами, которые раскапывают ее стройные грядки с капустой, а вместо клумбы с цветами – огромные кучи камней и прочего доисторического мусора.

Всю ночь Соболев не спал, ворочался с боку на бок – заснуть так и не получилось. Несколько раз вставал и курил в форточку, мыслями он был на своем участке. Кое-как дождавшись утра, сразу же помчался на дачу. Звонить в институт он пока не стал, так как было воскресенье, и поэтому решил провести еще несколько проб самостоятельно. На месте он составил уже более тщательную карту местности и схему предстоящих раскопок, отметил места вчерашних шурфов, места обнаружения нуклеусов, описал толщину культурных слоев. Еще вчера он заприметил огромный булыжник размером с автомобиль, лежащий чуть поодаль, и решил копнуть прямо возле него. Сразу же на глубине около полуметра Александр Александрович наткнулся на кусок кости. Отбросив лопату, он руками начал аккуратно убирать землю, после аккуратных манипуляций из земли был освобожден бивень мамонта. Если бы в этот день Соболев выиграл лотерею, то это, несомненно, не принесло бы столько радости и восторга как эта кость, пролежавшая в земле несколько тысяч лет. Подобного рода находки не редкость на территории Сибири, а в Якутии даже находят неразложившиеся туши мамонтов, которые прекрасно сохраняются в условиях вечной мерзлоты, но на этом бивне он четко увидел вырезанный орнамент – косые параллельные друг другу насечки. Это не просто кость погибшего животного – это артефакт. Этот бивень добыл и украсил человек, живший здесь несколько тысяч лет назад. Соболев понял, что сегодня – это его день Икс, сегодня он отко-

пал свою Трою, как когда-то Генрих Шлиман. Этот бивень – палочка туберкулеза, обнаруженная однажды Кохом; это земля, уведенная впередсмотрящим матросом «Санта Марии» осенью 1492 года. Он сорвал куш, выиграл Джек Пот. К этому дню готовила его судьба, к нему он готовился и шел всю жизнь. Сегодня – это поворотный момент в его карьере и жизни.

В течении дня Соболев определил границы будущего раскопа. Снял дерн и продолжил поиск. К вечеру ему удалось найти еще несколько костей, зуб шерстистого носорога, а также несколько каменных изделий: наконечники копий, каменные рубила, скребки. Все находки находились в геометрическом порядке относительно друг друга, было очевидно, что когда-то это место носило сакральный характер, и Соболеву удалось найти, какое-то ритуальное подношение или место погребения, хотя человеческих останков пока видно не было.

Это открытие носило если не мировой характер, то региональный уж точно. Известие об открытии стоянки древнего человека учителем средней школы всколыхнуло ученые круги Советского Союза. Сам Соболев активно принимал участие в сформированной экспедиции и последующих раскопках. Не без его участия участок, теперь уже бывшего дачного кооператива, был оформлен как археологический памятник, а дачи было решено перенести ниже по течению реки, и учителя, получив компенсацию за вложенные труды, остались в целом довольны. Это незаурядное событие кардинально изменило жизнь простого учителя истории. Его пригласили преподавать в родной ВУЗ на кафедру археологии. Через два года Соболев Александр Александрович защитил кандидатскую диссертацию и был уже доцентом кафедры. Впоследствии он совершил еще не одно научное открытие, но находка на дачном участке стала жемчужиной его карьеры. Все найденные артефакты хранились теперь в качестве экспонатов в местном краеведческом музее и были снабжены соответствующей табличкой и черно-белыми фотографиями, где удачливый археолог позирует с лопатой в руках. Только один артефакт не предстал перед взором общественности – это была лопатка оленя. Соболев вообще никому не показывал ее, а хранил дома в сейфе, бережно завернутой в брезент вместе со старой двустволкой. Соболев по натуре был скептиком. И хотя в последнее время были очень популярны всевозможные эзотерические вещи, в моду входили экстрасенсы, а журналы пестрели рассказами очевидцев об НЛО и снежном человеке, Соболев, будучи человеком от науки, во всю эту ахинею не верил. Он даже не читал астрологические прогнозы, которыми увлекалась его жена, и поэтому, когда между найденных им костей мамонта он обнаружил непримечательную кость – лопатку какого-то млекопитающего, не смог поверить своим глазам. На лопатке, потрескавшейся и пожелтевшей от времени, были вырезаны буквы, причем не какие-то знаки или символы, а вполне себе современные буквы русского алфавита, которые образовывали слова и четкие предложения. Надпись буквально гласила следующее: «Я жив, здоров и счастлив. Сын Миша». Такой анахронизм поставил бы в тупик любого человека, и Александр Александрович долго ломал голову над этой загадкой. Он выстраивал предположения о том, что его находка – это чья-то злая и глупая шутка, и все это не более чем фальсификация. Но все специалисты сходились во мнениях, что вещи подлинные возрастом около тридцати тысяч лет, а проведенные в Москве экспертизы этот факт подтверждали. Можно было подумать, что захоронение мог обнаружить кто-то раньше него и подбросить эту злополучную кость, но сделать это так филигранно, не нарушая при этом культурных слоев, было невозможно, да и не было в этом абсолютно никакого смысла. Так что свою странную находку Александр Александрович не показал никому, даже жене. Хранил он ее дома, и вечерами подолгу рассматривая начертанные буквы под большой лупой. Со временем думать об этом он перестал, а через два года жена родила ему первенца. Назвали мальчика в честь прадеда Михаилом.

Глава 1.

Взрыв.

«Армия – не просто доброе слово, а очень быстрое дело».

Армейский локальный мем

Пробуждение было не приятным, громкий пронзительный звонок проник в сонное сознание, в само сновидение. Снилось в этот раз какая-то компьютерная игра, не то шутер, не то аркада, и раздавшийся звонок сначала как-то вписался в сюжет сновидения, но его продолжительность и назойливость стала разваливать сон, и, в конце концов, выкинула в реальность младшего сержанта срочной службы Михаила Соболева. За год службы Михаил так и не привык к армейскому подъему в шесть утра. Сегодня, казалось, что вот только он закрыл глаза, как раздался этот громкий и бесконечно несмолкающий звук. К удивлению, наручные часы показывали три часа ночи, тут же заорал дежурный по роте:

– Рота подъем!!! Боевая тревога! Получаем экипировку и оружие!!

Выругавшись про себя, Соболев судорожно начал надевать брюки, китель и берцы. Бойцы торопливо получали экипировку. Соболев привычными движениями одел броник, разгрузку; прицепил к ремню флягу, саперную лопатку, штык-нож, противогаз – знаменитый «слоник». Через плечо нацепил скатку из плаща-палатки. Молодые нервно одевали вещмешки и на загрюк плащ ОЗК, действовали они не так быстро, но в отведенные нормативы укладывались. Венцом экипировки служил «дедовский» шлем стальной армейский СШ-40, в таких касках еще Берлин брали. Не все еще инновации докатились до российской глубинки, так что приходилось служить в том, что было, хорошо еще, что не застали «юдашкинскую» форму. Построив перед оружейкой в одну шеренгу личный состав, взводный остался доволен внешним видом солдат и 101 взвод по очереди, отлаженно (сказывались многочисленные тренировки) получил вооружение – АК47- М с четырьмя снаряженными магазинами.

Плац в ночном свете фонарей поблескивал, спрыснутый июньским ночным дождиком. Было свежо и прохладно. Сонливость быстро прошла, хотя большинство солдат зевали с распухшими ото сна рожками. После быстрой поверки на плацу удивительно быстро появился командир части полковник Белоногов. После традиционного: «Смирно! Равнясь!» – начальство с красными глазами не менее традиционно поприветствовало лающим басом не особо разборчиво: «Здравствуйте товарищи!» Товарищи также не разборчиво и басом пролаяли: «Здравия желаем товарищ полковник». После чего полковник стал доводить диспозицию до рядового и младшего начальствующего состава, как всегда, по-военному косноязычно. Причиной ночной тревоги послужило ЧП, произошедшее в области. Группой не установленных лиц было совершено нападение на спецтранспорт, и при этом было похищено совершенно секретное оборудование. По всей области объявлена чрезвычайная ситуация, и части округа приведены в боевую готовность. К операции также привлечены спецподразделения по антитеррору и ФСБ. В целом, было понятно, что поспать сегодня уже не придется, а придется куда-то ехать и где-то несколько часов бессмысленно проторчать или еще хуже проходить.

– Значит, сейчас повзводно загружаемся в транспорт и следуем к месту выполнения боевой задачи, понятно, да?

Слова паразиты «значит» и «понятно» Батя, как за глаза называли командира, вворачивал постоянно и не всегда уместно, например: «Кому не понятно, я объясню, понятно, да?» Молодые офицеры, кому еще служба не отбила чувство юмора, доводили информацию, непременно и глубокомысленно используя эти самые «значит» и «понятно, да». Сам Соболев, будучи командиром отделения, частенько употреблял эти заимствования с самым серьезным лицом только уже в обратном смысле: «Не понятно, нет», чем вызывал усмешку у взводного молодого лейтенанта Зайцева.

Молодые, как положено по сроку службы, загружали в кузов ящики с боекомплектom. Нескладный конопатый Сидоров, не удержал свой конец ящика и тот всем своим весом припечатал ногу лейтенанта – лейтенант взвыл в голос.

– Что-то хрустнуло и завоняло – вполголоса прокомментировал остроумный Соловьев, однако засмеяться никто не решился.

– Сидоров!!! – заорал раненый лейтенант, – тебе с твоей фамилией летать надо!! А ты ящик удержать не можешь, рукожоп!!!

Сидоров вытаращил глаза и промямлил извинения:

– Я больше не буду, тащ лейтенант! – такое, по-детски глупое, и неуместное извинение вызвало уже не сдерживаемый хохот у всего подразделения.

Через час после погрузки колонна военной техники двигалась на юг от расположения части к месту проведения операции. Взвод мотострелков мерно покачивался в кунге 131-го. Лейтенант Зайцев, которого в узком кругу переменного состава называли незамысловато и не иначе как Зайцем, проводил инструктаж.

– Значит так, стоим в оцеплении на местности. Прикрываем перелесок в указанном квадрате, наша задача никого не впускать и не выпускать. Преступники вооружены и особо опасны. Передвигаются в пешем порядке. Количество точно не известно, пять – шесть человек. Стрелять на поражение сразу, как только появятся в поле зрения. Ни в какой контакт не вступать, к раненым и убитым не подходить – ждать специалистов. По имеющейся информации появление этих упырей в нашем квадрате маловероятно и не ожидается. Так что стоим и ждем, пока террористов замочат в сортире... и по домам. Вопросы есть? – И сам же ответил – Вопросов нет

Где этот указанный квадрат, кем и кому он был указан – понятно решительно не было, а спрашивать про это было не комильфо. Но вопрос, собственно, возник у ефрейтора Мещерякова и, надо сказать, вопрос закономерный, хотя и глупый, особенно для старослужащего. С Мещерой, то есть с Виктором Мещеряковым, они были одного призыва, и дослуживали уже последний месяц.

– Товарищ лейтенант. А сколько стоять?

– От забора до обеда. Стоять столько, сколько потребуется. Еще вопросы есть?

Ехать было еще часа два-три, если верить Зайцу, и младший сержант Соболев погрузился в мысли. Миша за срок службы научился спать в любой ситуации и положении, не получалось спать только стоя, хотя в роте и такие мастера были. Машину покачивало, но несмотря на это, заснуть, или хотя бы просто подремать под шум мотора, никак не получалось. Давило предчувствие чего-то не хорошего. Чувство гнетущее, не понятное и похожее на голод. Над головой все отчетливо слышали шум работающих лопасти пролетающего над ними вертолета. «Тут однозначно что-то не так» – подумалось сержанту. «С какой бы стати поднимать такие силы ради пяти – шести человек, будь они хоть до зубов обвешаны автоматами... да еще и вертушки».

– Товарищ лейтенант. Что за террористы такие, если всю королевскую рать на уши подняли из-за них?

Лейтенант смачно зевнул во весь рот:

– Даа... видать не простое оборудование накрылось. Я не большего твоего знаю, они- нас, мы – вас, вы – матрас. Все как обычно.

Было уже светло, когда машина миновала блок пост и свернула с трассы на проселок, колонна проследовала дальше. Теперь их ЗИЛ 131 двигался в сторону от трассы, видимо, в указанный чьей-то мудрой, руководящей рукой, квадрат. Езда по проселочной дороге сразу разбудила всех, кто спал или пытался спать, теперь только оставалось пытаться усидеть на жестких деревянных скамейках вдоль бортов. Машина весело подпрыгивала на ухабах, и солдаты со свирепыми лицами нелепо подлетали на своих сидениях. Больше всех доставалась сидящим около выхода, в том числе и молодому командиру взвода. Что бы не потерять лицо перед подчиненными, лейтенант прошел поближе к кабине и поменялся местами с одним из бойцов.

Рядом с Соболевым, по обыкновению, сидел ефрейтор Мещеряков и вполголоса рассказывал ему какую-то историю из своей гражданской жизни. Михаил сквозь шум не мог разо-

брать его слова, но делал вид, что ему интересно, кивал головой и иногда понимающе улыбался. Напротив сидел Максим Кузнецов, он любовно зажав между колен свой пулемет, и, надвинув кепи на глаза, казалось дремал. Коренастый, мощный, надежный и немногословный, он прочно ассоциировался у Соболева со своим пулеметом. Михаил помнил, как в первый месяц своей службы Макс разбил нос одному старослужащему, а второго отправил в глубокий нокаут. «Деды» решили поживиться сигаретами у «духа» и вечером поджидали его в умывальнике, где, собственно, Макс и дал им «прикурить». Конфликт удалось замять без привлечения командования, но с тех пор ни один «дед» не решался сломать Кузнецова. С краю сидел виновник утреннего происшествия с ящиком и ногой лейтенанта – рядовой Сидоров. Опытный военнослужащий без труда может определить военного человека или простого гражданского, который впервые одел военную форму, по одному внешнему виду. На человеке, который отслужил хоть сколько-нибудь долго, форма смотрится ладно, и вид у него в целом молодцеватый и подтянутый, на салаге же форма сидит как на корове седло. Так что такое не хитрое, казалось бы, умение, как носить одежду, тоже требует определенных навыков. Служил Сидоров совсем недавно, это было заметно даже по тому как нескладно топорщилась на нем форма, он с тоской смотрел на проплывающий за бортом машины пейзаж. Было заметно, что он не притерся еще к службе и остро скучал по дому. Одного призыва с ним были братья-близнецы Хусаиновы Муртаза и Рамиль. Они постоянно держались вместе и во всем помогали друг другу, впрочем, как и было положено братьям, тем более близнецам. Соболев не успел еще как следует их узнать.

Отделению Соболева место для выполнения боевой задачи досталось ничем не примечательное. Проселочная дорога, не понятно куда ведущая, метрах в ста параллельно дороге располагался лесной массив. Дорогу и лес разделяло поросшее редким кустарником и довольно высокой травой поле. Зайцев выдал последний инструктаж:

– Значит так, Соболев. Распредели людей вдоль дороги. Твой участок отсюда и полкилометра восточнее. Я со вторым отделением нахожусь в километре от вас на севере. – и для убедительности показал рукой почему-то на запад. «У кого-то из нас двоих определённо топографический кретинизм» – непроизвольно подумалось Михаилу.

– Машину оставим в пределах видимости. Гражданских лиц и прочих грибников и отдыхающих тут нет и быть не может. Все проезды в этот район перекрыты. Не спать, не ссать и не курить. Смотри в оба. Контакт маловероятен, но не расслабляйся. Задача ясна? Выполняй.

– Так точно! – отапортовал Соболев, ему было всё предельно ясно, он уже мысленно расставил стрелков и пулеметчика.

Командир хотел по-молодецки запрыгнуть в кузов транспорта, но ушибленная нога лишила его этой возможности, и он с позором сел в кабину и укатил на «север».

Распределив людей цепью вдоль проезжей части с дистанцией метров в пятьдесят, Соболев обратился к пулеметчику Максиму Кузнецову. Максим, так же как и Мещеряков был старослужащий. Всего их – дембелей на отделение было трое и на них в основном лежала задача воспитания великовозрастных оболтусов – салаг, недавно начавших тянуть лямку срочной службы.

– Макс, где думаешь поставить пулемет?

– Да чё тут думать? по центру и поставим. Вон пригорок не большой с кустиком видишь? Действительно, небольшая возвышенность позволяла контролировать большую часть перелеска, и сектор стрельбы был, как говорится, что надо.

– Ну... тогда располагайся.

Макс, взвалив на плечо свой «Печенег» двинулся к облюбованному месту.

Закончив распределение людей, Михаил прислонился к стволу одиноко стоящей березки. Местный пейзаж после унылой казармы радовал глаз. Было еще не жарко, молодая зелень – трава, березы, редкие кусты то ли багульника, то ли другого какого-то растения, Михаил не особо разбирался в ботанике, создавала благостное настроение. Пение лесных птиц, стре-

кот кузнечиков действовали успокаивающе, и дурное предчувствие, терзавшее его еще с ночи, постепенно улетучилось. Соболев заметил редкие струйки дыма – видимо кто-то из солдат вопреки приказу закурил. «Да и черт с ними» – подумал Соболев, в конце концов, начальство далеко и сколько тут еще торчать не известно. Глядя на дымок, самому нестерпимо захотелось закурить. Вообще – то он давно решил бросить, но в курящем коллективе сделать это не так-то просто. Как только кто-то закурит поблизости, так хоть волком вой, и поэтому завязать он решил уже на «гражданке». Михаил достал сигаретку, отметив, что в пачке, уже достаточно помятой, осталось пять штук, и до конца дня явно не хватит. «Да... хоть бы до обеда хватило... видимо, придется напрягать молодых на предмет курева» – тоскливо подумал Михаил.

Срочная служба была сержанту не в тягость, состоял он на хорошем счету у начальства и «пользовался заслуженным авторитетом у сослуживцев» – именно такую строчку он успел мельком прочитать в своей характеристике, когда за каким-то мелочным делом заходил в штаб. В это время как раз решался вопрос о назначении его командиром отделения и присвоении ему звания младшего сержанта. Вообще, служба заладилась у него сразу, от природы был он достаточно сообразительным, к тому же значительно старше своего призыва, так как успел к этому времени закончить четыре курса исторического факультета в местном универе. Поэтому двадцатидвухлетний призывник не подвергался придиркам «дедов», так как был, во-первых, их старше, а во-вторых, человеком с практически высшим образованием. Тем более в свои годы успел позаниматься рукопашкой, и даже выступал на городских соревнованиях, однако без особых успехов. Занимался Михаил «для себя» и всерьез продолжать оттачивать навыки рукопашного боя не собирался. После дембеля рассчитывал он восстановиться в родном универе, а что делать дальше даже и не задумывался. Будущее представлялось ему чем-то эфемерным, и забивать голову размышлениями о работе и карьере лишний раз не хотелось. «Жизнь покажет, а там видно будет» – рассуждал бывший студент.

Отчислен он был, кстати, по глупости, хотя с программой обучения справлялся легко, учеба давалась ему без трудностей, даже конспекты лекций Миша почти не вел. Он старался запоминать на слух то, что говорили преподаватели, только перед экзаменами перелистывал учебники, а не зубрил билеты как многие. На четвёртом курсе случилось так, что в период сессии приспичило жениться его близкому другу, а свадьбу играли в соседей области. Не устояв перед соблазном, Миша рванул на празднование и неделю куролесил, забив на экзамены все, что только можно было забить, а так как учился он на бюджетной основе – то есть бесплатно, его быстренько и отчислили – желающих перейти на бюджет всегда было предостаточно.

Погрузившись в мысли, Соболев не сразу заметил группу людей, выходящих из леса. Одеты они были в гражданское. Мысля стереотипами, не сразу можно было опознать в них искомым террористов. В сознании большинства людей террорист представляется здоровенным, чернобородым бугаем в камуфляже и с зеленой повязкой на лбу. Вышедшие одеты были обычно: джинсы, мастерки, спортивные костюмы и никаких бород. Двое из них тащили какой-то металлический ящик, взявшись за него с двух сторон, по-видимому, там были приделаны ручки для переноски. Судя по тому, как несшие его люди согнулись, ящик был тяжелым. Сомнение в принадлежности этих людей к тем, кого они тут ждали, развеяло оружие – вооружены были все четверо. У носильщиков за плечами болтались Калашы, они легко угадывались по деревянным прикладам и цевью. Идущий впереди держал не то автомат, не то автоматическую винтовку черного цвета, идентифицировать на таком расстоянии этот ствол было нельзя. Такое же оружие было и у замыкающего.

– Понеслась п... по кочкам, – вслух подумал Соболев, снимая автомат с предохранителя.

– Стоять!!! – внезапно раздавшийся испуганный окрик, заставил Соболева сматериться еще раз, отличился кто-то из молодых. Заставить стоять не прошеных гостей, конечно, не получилось, а получилось заставить залечь. Сразу же раздались выстрелы. Стреляли все, даже те, кто находился с флангов развернувшегося действия. Им решительно ничего не было видно,

и они просто лупили из автоматов по лесу. Стреляли очередями. Не тренированные пальцы давили на гашетку слишком долго, и очереди выходили слишком длинные, срезая траву в месте залегания терров, пули наискось уходили в лес и в небо. Соболев отправлял короткие очереди по два – три выстрела по позиции террористов – их выдавали вспышки дульного пламени. Боекомплект был ограничен, и он старался беречь патроны. От выстрелов загорелась трава как раз в том месте, куда целился Михаил, видимо, его визави стреляли от земли, стараясь не поднимать голову. Соболев сменил позицию, откатившись на три метра в сторону, и снова пустил короткую очередь по направлению к лесу. Противник, застигнутый врасплох, занимал крайне невыгодную для себя позицию. Из леса они уже вышли и находились, по сути, на открытом пространстве, скрываемые лишь высокой травой, редким кустарником, и неровностями ландшафта. Террористы осознали необходимость передислокации – им во что бы то ни стало было необходимо вернуться под прикрытие леса. Сержант увидел, как они короткими перебежками меняют позицию. Он заприметил одну фигуру, чья красная мастерка являла собой очень заметную цель. Человек перебежал, залег, сделал несколько выстрелов и его автомат замолчал. Михаил прицелился, взяв небольшое упреждение в направлении предполагаемого отхода. Терпеливое ожидание было вознаграждено, преступник начал движение и Михаил нажал на спусковой крючок. Он очень четко, как в замедленной съемке, увидел, как пуля вошла противнику в голову, вопреки ожиданиям, тот не дернулся и не был отброшен в сторону как показывают в голливудских боевиках, а просто упал. На его месте, в летнем мареве образовалось розовое кровавое облачко, как будто остроносая пуля выбила из человека кровавую пыль. Мысли о том, что он только что убил человека, медленно заполняли сознание, сердце бешено заколотилось, а руки стали предательски ватными, к горлу подкатил комок, и Михаила вырвало горькой слезью.

Наконец заухал пулемет Макса. Тяжелые 76 миллиметровые пули «Печенег» теперь не давали преступникам возможность поменять позицию, отступить в лес под прикрытие деревьев и вести более или менее прицельный ответный огонь. Сержант судорожно обдумывал сложившуюся ситуацию: «Бл.. да где же Заяц со вторым отделением? Рация тоже осталась у них... но они же явно слышат стрельбу» Михаил посмотрел на наручные часы, недоверчиво потряс их – казалось, что прошла вечность, но часы упорно говорили, что бой шел три – четыре минуты.

Внезапно «Печенег» замолчал, и сквозь грохот выстрелов послышался набирающий силу крик. Кто это кричал понятно не было. Крик был нечеловеческий, животный, он не был похож на спокойный глубокий голос пулеметчика. «Макса ранило» – пронеслось в голове у Михаила. Внезапно на идущий бой обрушилась тишина. Именно обрушилась – разом оборвались все звуки боя, и выстрелы, и крики. Соболев открыл рот и похлопал ладонью по ушам. И тут со стороны леса взошло «солнце». На месте противника вырос купол ослепительно белого света. Купол стремительно расширялся и покрывал собой все пространство, через мгновение он поглотил младшего сержанта и его отделение.

Глава 2

Неизвестность

– А что это за звуки, вон там? – спросила Алиса, кивнув на весьма укромные заросли какой-то симпатичной растительности на краю сада.

– А это чудеса, – равнодушно пояснил Чеширский Кот.

– И.. И что же они там делают? – поинтересовалась девочка, неминуемо краснея.

– Как и положено, – Кот зевнул. – Случаются...

Льюис Кэрролл

Белизна поглотила сержанта, он погрузился в нее как в молоко. Однажды в детстве Миша попал в больницу с аппендицитом, и операцию проводили под общим наркозом. Врач поднес к лицу черную, скверно пахнущую маску, и сознание ребенка унеслось прочь из реальности. Нечто подобное сейчас и испытывал Михаил. Ярко светящиеся узоры сменялись объемными, трёхмерными геометрическими фигурами, которые переливались, каждую секунду меняли свою форму. Сознание пыталось зацепиться за ускользающую реальность. Как калейдоскоп мелькали мысли, обрывки каких-то воспоминаний, разговоров; внезапно всплывали строчки когда-то прочитанных книг, отрывки из фильмов и рекламных роликов. Мелькали давно забытые лица и лица не знакомые вовсе. Сосредоточиться на какой-то одной мысли, которые вихрем проносились в голове, не удавалось даже на мгновение. Может это агония и мозг пытается реализовать последние резервы? Или может это уже сама смерть?

Состояние это продолжалось возможно целую вечность, а возможно, и одну секунду. Наконец измученное сознание вернулось в тело своего обладателя. Соболев с трудом открыл веки, и перед глазами встало синее безоблачное небо. Голова раскалывалась, боль переливалась медным гулом в ушах. Михаил с трудом перевернулся на бок, и его опять вырвало. Из левого уха тонкой струйкой уже запеклась багровая кровь. Стараясь упорядочить мысли, сержант силился осознать произошедшее. Ощупав себя по бокам, удовлетворенно отметил, что не ранен, и руки-ноги на месте. Боль отступила, вернув ясность мысли. Михаил огляделся по сторонам: всё тот же перелесок, всё та же деляна, поросшая густой травой. Людей видно не было.

– Есть кто живой?!

Невдалеке раздался протяжный стон, приглядевшись в ту сторону откуда доносился звук, Михаил увидел одного из молодых бойцов его взвода. Он сидел на земле, обхватив голову руками, и раскачивался из стороны в сторону.

– Егоров, ты?

Егоров повернул голову к командиру и потрескавшимися губами беззвучно просипел:

– Я... Товарищ сержант...

Он силился сказать что-то еще, но разобрать его слова было невозможно. Михаил посмотрел в сторону леса. Никакого движения и признаков присутствия живой силы противника не наблюдалось. Оглушенные бойцы, те которые находились в поле зрения, кряхтя и постанывая, приходили в себя.

– Первое отделение! Слушай мою команду!! Короткими перебежками ко мне! – четким ровным голосом скомандовал Соболев.

Бойцы, пригнувшись, периодически залегая в траву, засеменили к командиру отделения. Спустя какое-то время около Соболева собралось восемь человек. Не хватало двоих. Не было пулеметчика Максима Кузнецова и рядового Беломестнова.

– Кто находился рядом с пулеметом в бою? Что с Кузнецовым?

– Ранило его, товарищ сержант, – боец Сидоров виновато потупил взгляд.

Значит, всё-таки Макса угораздило...

– Что с Беломестновым? Кто видел?

– Убит он.

Вид у солдат был растрепанный и потерянный. Судя по вопросительным взглядам, решительно никто не понимал, что произошло. Соболев остро почувствовал на себе груз ответственности. Он, не многим старше остальных, должен принимать решения... правильные решения, и принимать их быстро. «Так Миша, спокойно... холодно и методично оцениваем обстановку, ставим задачи». Мысленный аутотренинг оказал нужное воздействие. Он бегло осмотрел солдат: у Мещерякова и Соловьева не было автоматов, Сидоров был без шлема.

– Воины, где автоматы? – грозно спросил сержант.

Утратить оружие само по себе преступление и трибунал, как минимум, а потерять во время боевых действий – смерти подобно.

– Вить? От кого-кого, а от тебя такого ну никак... Ладно Соловьев, на нем клейма уже ставить негде... из нарядов не вылезает, но ты-то как умудрился?

– Миш... сам не пойму... Ушел на КД... пока магазин доставал – потерял сознание – очнулся гипс, и автомата нет. Все обшарил, – виновато ответил Мещеряков.

Виктор на гражданке был неплохим геймером и поэтому часто использовал жаргонные словечки из компьютерных игр. Вот и сейчас: «Ушел на КД» – это аббревиатура CD от английского «CoolDown» – перезарядка. Ну а по-русски КД. Да и вообще, с компьютерной техникой был «на ты», из-за этого его часто вызывали в штаб, где он с умным лицом «чинил принтеры» в бухгалтерии. Просто втыкал провода в соответствующий разъем системного блока, которые ежедневно выдергивала шваброй вольнонаемная уборщица, по утрам моя полы в помещении. Таким образом, незаменимый Мещеряков и прослыл компьютерным гением.

Соловьев озадаченно молчал, видимо, то же самое случилось и с его автоматом. Лёша Соловьев был уже «черпаком», то есть отслужил один год. Наверное, в каждом коллективе есть свой весельчак и балагур. Без сомнения душой 101-го взвода был Соловьев, его веселый оптимизм не могли сломить даже бесчисленные наряды, которые он неизменно получал вне очереди. Такого человека армией не исправить было нельзя, слишком глубоко в нем сидела тяга к алкоголю и женщинам. Ему бы надо было родиться гусаром веке в девятнадцатом, волочиться за женщинами, кутить с друзьями, открывая бутылки с шампанским ударом сабли, и отпускать пошлые шутки. «Я не пошляк, я – эротический шутник» – сам про себя не раз говорил Алексей. Теперь вот этот Ржевский «на минималках» утратил свое боевое оружие.

– Ладно, разберемся. Вопрос сейчас в другом. Что всё-таки произошло? Я так понимаю, все видели и чувствовали то же самое: вспышка света со стороны террористов и потеря сознания

Все дружно закивали.

– Я, парни, знаю не больше вашего. Но, видимо, применили против нас что-то мощное и не понятное. Возможно, это как-то связано с похищенным оборудованием или вооружением. Успели заметить, что они ящик какой-то волокли? Так вот, мужики, давайте-ка от греха ОЗК оденем.

Носить на себе защитный противорадиационный и противохимический комплект в жару, а судя по солнцу, время приближалось к обеду – приятного мало, но возражений не последовало. Возможность быть облученным или зараженным не радовала, и солдаты молча стали одевать прорезиненные бахилы, перчатки, плащи и противогазы. Хотя защита от радиации представлялась не надежной, и к тому же, в случае если по ним отработали чем-то радиационным, то свою дозу они уже получили, недаром тошнота еще ощущалась.

Тут Соболев обратил внимание на Хусаинова. Тот поддерживал руку в районе плеча и все время морщился от боли. Рукав на предплечье пропитался бурой кровью. «Ах, ты ж! этого еще не хватало». Два брата-близнеца служили второй месяц, различать их еще никто не научился, чем братья вовсе пользовались: подменяли друг друга в нарядах, стреляли на стрельбищах, в общем, пользовались преимуществом, которое дает наличие твоей копии.

– Рамиль, покажи руку.

– Я Муртаза, товарищ сержант.

– Да по мне хоть Чулпан Хаматова, руку, говорю, давай!!!

Разрезав ножом рукав кителя, Миша увидел ровную дырочку – входящее отверстие. Выходного отверстия не было, значит дело скверное – пуля застряла в руке. Ладно, это уже пусть в госпитале извлекают. Движение в руке вызывало, по-видимому, острую боль, и не было понятно задета кость или нет. Михаил весьма посредственно знал анатомию, но помнил, что в этом месте костей должно быть две. Собственно, предплечье и лучевая.

– Рамиль, обработай рану брату. Промой, возьми перевязочный пакет и перебинтуй. Да и шину наложи на всякий случай.

– Водой промыть? – Рамиль уже потянулся к фляжке, – а шину из чего?

– Если хочешь сепсиса промывай водой. Если нет, то мочой, – видя скепсис в глазах сослуживца добавил:

– Я не шучу, моча – это стерильная жидкость, вполне доступная в нашем случае, а спирта у нас нет. А шину... привяжи к руке саперную лопатку, а лучше две...

Младший сержант, почувствовал, что бойцы приободрились. Уверенность командира, четкие команды – это многое значит в экстремальной обстановке. Теперь оставалось мысленно решить главную проблему, проблему от которой по спине бежал холодный пот. Дорога, а вернее ее отсутствие.

«Включай мозги Миша. Что мы имеем? Все восемь человек потеряли сознание, дорога была в пяти метрах позади. Приходим в себя – дороги нет». Соболев машинально посмотрел на часы, часы показывали одиннадцать часов, как раз примерно то время, когда начался бой. Так... стоп! Сколько же они были без сознания? Он приложил руку к уху и не услышал привычного «тиканья» – часы стояли.

– Бойцы. Время у кого есть?

Часы нашлись только у троих, причем, двое механических стояли также на одиннадцати часах, а электронные часы Соловьева, вообще, показывали серый экран и включаться отказывались. Миша полез во внутренний непромокаемый карман, где в нарушение устава носил мобильный телефон. Телефон оказался выключен. «Что за нафиг? Вроде с вечера подзаряжал» Он с силой несколько раз надавил на кнопку питания, но мобила упорно не включалась.

– Витек, у тебя телефон с собой?

– Да командир, только батарея села, пробовал уже.

«Ладно, оставим эту проблему на потом. Куда же делась эта чертова дорога??? Мистика блин...» Остальной пейзаж практически не поменялся: всё тоже поле с юга и лес севера. На горизонте маячил знакомый силуэт все тех же заросших сосняком сопки. «Тот же лес, тот же воздух и та же вода, то же небо опять голубое» – не к месту вспомнилась известная песня Владимира Семеновича. Хотя, как не к месту, он вспомнил о Максе и к горлу подкатил комок. «Так... отставить сопли! На тебя люди смотрят и ждут приказов»

– Отделение, слушай мою команду!! Занять круговую оборону! В настоящее время мы не знаем о месте нахождения противника. Поэтому приказываю смотреть в оба глаза! Соловьев, возьми автомат у Хусаинова, он со своей рукой все равно стрелять не сможет. Берешь Сидорова и к пулемету. Доставите пулемет сюда, потом принесете Макса и Беломестнова. Именно в таком порядке, понятно?

– Так точно!

– Все! Выполнять! – Двое, пригнувшись, направились к позиции пулеметчика. – Сидоров! Бестолочь, каску одень!!

Рядовой Сидоров – худой рыжий парень с невероятными веснушками и совсем детским, и почему-то всегда виноватым лицом взял шлем у того же раненого Хусаинова и, нахлобучив его на свою лысо-противогазную голову, двинулся следом за Соловьевым.

– Мещеряков, вы с Ключко дуйте ко второму отделению. Доложишь лейтенанту обстановку. Пусть связывается со штабом, раненых надо эвакуировать и ...погибших, – голос Соболева звучал глухо из-за противогаза. – Вить, как придешь там в кабине аптечка есть противохимическая, таблетки примите от радиации и сразу бойца с аптечкой сюда отправь, проследи, что бы обезбаливающее там было.

Мещеряков кивнул, хлопнул по плечу молодого Ключко, и две сюрреалистичные фигуры в длинных плащах направились к месту предполагаемого нахождения второго отделения и командира взвода.

Отдав распоряжение, Соболев начал сканировать глазами место, откуда боевики последний раз вели огонь. Он хорошо помнил, в каком месте загорелась трава от стрельбы из автоматического оружия. Теперь же на этом месте, как ни в чем не бывало, зеленела растительность, и вообще, ничего не говорило о пребывании тут людей и недавней перестрелке. Береза, возле которой он устроился накануне, исчезла вместе с дорогой, равно как и облюбованный куст пулеметчика Кузнецова.

Михаил посмотрел себе под ноги и внимательно осмотрел позицию, откуда он вел стрельбу. Гильз не было. Соболев расстрелял один магазин, а это тридцать патронов, но ни одной гильзы найти так и не смог. Исчезновение дороги, стреляных гильз и двух автоматов никак не укладывалось в рамки рационального восприятия действительности. Если предположить, что пока они были без сознания, оружие могли взять уцелевшие боевики и скрыться, зачем тогда им было убирать и гильзы? А самоустранение грунтовок под эту теорию вообще никак не подходило, не могла же гравийка зарастить травой за несколько часов. Возможно, их в бессознательном состоянии перенесли в другое место... Но кто? Террористы отпадают. Наши? Почему тогда их не складировали в одно место?

Бывает так, особенно в лесу, когда одно место похоже на другое. Вот вроде и поляна та же и пень, и дерево, а потом оказывается, что человек заблудился и находится вовсе не там где предполагает. Но так ошибаться Соболев не мог.

– Егоров, ты же вроде охотник у нас? Глянь на природу. Поменялось что?

Александр Егоров, призывался из какой-то глухомани, куда даже дороги нормальной не было. Работы в его деревне после распада Союза не было, и всё местное население жило исключительно охотой. Осенью уходили деревенские мужики в тайгу на зимовье. Брели с собой только спички, соль, керосин и патроны. Сезон продолжался до весны, до того времени как начинался гон у копытных, после чего охотники возвращались в деревню. Тут же приезжали братья-китайцы и за бесценок скупали струю кабарги, пенис изюбра, барсучий жир, рога, пушнину. Всё, что ценилось в Китае на вес золота, в российской глубинке продавалось за спирт плохого качества и копейки, которых едва хватало до следующего сезона.

Егоров всё свое детство и юность провёл в лесу на охоте вместе с отцом. Попасть мог «в прыжке белке в глаз», но в личном деле, насколько знал Соболев, этой информации не было. На стрельбищах Саня Егоров неизменно показывал отличные результаты, и решался вопрос о назначении его на должность снайпера.

– Чёт понять не могу никак. Навроде то же место, а навроде и нет. Березы в лесу какие-то корявы. Кусты не там и не такие, – Егоров говорил, проглатывая окончания, весьма характерный говор для местного населения, но услышать его в настоящие дни можно только в совсем уж глухих деревнях или от древних старушек.

В это время показался Соловьев, сгорбившись, он тащил на себе тело пулеметчика, сзади с двумя автоматами следовал испуганный Сидоров.

– Командир, пулемета нет на месте, все обшарили, – Соловьев задыхался, всё-таки тащить на себе крепкого телом Макса, при этом находясь в ОЗК – дело не легкое, да еще и для курильщика. Внутренне Соболев уже предполагал, что оружие они не найдут. Не надеялся также, что Мещера найдет второе отделение. Внутренний голос подсказывал, что они вовсе не в том месте, где были утром...или не в то время.

– Давайте за Беломестновым! – он отдал распоряжение и склонился, осматривая тело погибшего друга. Бронежилет был пробит посередине, по центру груди. Острая пуля калибра 7,62 срикошетила об верхнюю бронепластину и, прошив кевларовую ткань между стальными пластинами, под углом вошла в солнечное сплетение. Ранение было не совместимое с жизнью.

Соболев раскатал плащ ОЗК и накрыл тело погибшего товарища. Между тем, бойцы принесли тело Беломестнова. Видимых следов повреждений на его теле найти не смогли. Молодое обескровленное лицо стеклянными глазами смотрело в небо. Его позиция находилась справа

от пулемета, то есть практически ближе всех к эпицентру вспышки, вероятно, это и стало причиной смерти. Оружия при Беломестнове так же не оказалось.

Через час вернулись Мещеряков и Ключко.

– Миха, нет там никого, – было заметно, что Мещера нервничает, – прошли километра три – ни следа. Ни взвода, ни грузовика.

Предположение Соболева оправдалось. Оставалось выяснить, что с боевиками. Сержант помнил приказ – не подходить к террористам после их ликвидации, но в данных обстоятельствах, когда приезд специалистов из ФСБ и вообще кого-либо был маловероятен, было необходимо выяснить живы они или нет. Взвесив все за и против, Соболев взял с собой пятерых солдат. Короткими перебежками, прикрывая друг друга, они добрались до леса. Их взору предстал девственный лес, и следов пребывания, либо следов хоть какой-нибудь жизнедеятельности человека, они найти не смогли. Не было мусора, следов, стреляных гильз. Осматривая место недавнего боя (то ли это место?) Михаил краем глаза заметил движение между деревьями. В нескольких метрах от него лес уступал место небольшой прогалине. Пригнувшись, он подал знак остальным, многозначительно прижав указательный палец к губам, показал пальцем в сторону возможного контакта. Осторожно, стараясь не наступать на сухие ветки, группа пробралась к поляне. В ярких лучах полуденного солнца, там спокойно жевали молодую травку дикие козы. Ближе всех находился самец, судя по рогам с тремя отростками, это был трёхгодовалый козел-гуран. Чуть позади паслись три безрогие самки. Это были красивые животные с бежевой шерстью и белой грудью. Почуввав запах чужаков, козы, а точнее косули, выгнули шеи и уставились на солдат глазами-маслинами. Ноздри раздувались, пробуя на вкус незнакомый запах прищельцев. Соболев непроизвольно вскинул автомат, сердце в груди бешено забилося. Он никогда раньше не был на охоте, так как был исключительно городским жителем. Первобытные инстинкты охотника, спящие в любом человеке, проснулись. Усилием воли он опустил оружие и предостерегающе поднял руку, запрещая открывать огонь. Не хватало еще быть уличенным в браконьерстве. Почуввав опасность, косули, мелькнув рыжими пятнами, унеслись в лес. Всё-таки невероятно, что дикие животные так близко подпустили к себе человека. Возможно, виной тому был их необычный вид: длинные плащи ОЗК скрывали фигуру, и в довершении противогаз делал из привычного образа охотника что-то совсем непонятное для лесных жителей.

На обратном пути Михаил наткнулся на громадный муравейник, высотой он был по пояс взрослому мужчине. Муравьи деловито сновали по своим муравьиным делам. Где-то он читал о поведении насекомых при угрозе радиоактивного облучения. Мелкие твари неизменно чувствовали изменения радиоактивного фона и стремились покинуть опасный участок. После бомбежки Хиросимы и Нагасаки многие были свидетелями, как колонии муравьёв покидали разрушенные города. Радиацию также чувствовали кошки и крысы. Местный животный мир чувствовал себя превосходно, и Михаил решил, что опасность облучения отсутствует. Он стянул надоевший противогаз и полной грудью вдохнул лесной воздух. Только сейчас он почувствовал насколько свежий был воздух за пределами города, от избытка поступавшего в кровь кислорода закружилась голова, и он даже почувствовал что-то похожее на опьянение.

Выполнив первоначальные задачи, необходимо было выработать план дальнейших действий.

Соболев собрал возле себя парней, те с большим облегчением сняли противогазы и плащи, вернув себе человеческий облик.

– Итак, парни, мыслю я так, мы все попали под воздействие неуставленного оборудования или оружия. Вероятно, его привели в действие боевики, или возможно это результат попадания пули. Главное другое – мы остались без связи с внешним миром, мобильные не работают, возможно, электроника пострадала в результате вспышки. Рация осталась у второго отделения, только не понятно где они сейчас находятся, и, собственно, где находимся мы.

Игнорировать угрозу со стороны противника мы тоже не должны – трупы бандитов не обнаружены. Место нашего расположения командованию известно, поэтому есть вероятность, что нас могут забрать.

– У нас вода кончается, – заметил Егоров.

Действительно, день выдался жаркий. Несколько часов в ОЗК бойцы обливались потом, и потеря организмом жидкости заставляла то и дело прикладываться к фляге.

Когда взвод ехал в кунге ЗИЛа, лейтенант Зайцев, производя инструктаж, доставал карту и показывал предполагаемую дислокацию командирам отделений. Соболев не особо вникал в топографические обозначения на карте, но припоминал, что поблизости никаких водоемов и населенных пунктов не было. Только в десяти километрах далее по проселочной дороге, обозначенной на карте пунктиром, располагалась чабанская стоянка, а близлежащая деревня была километрах в пятидесяти. Они проезжали её, когда ехали в составе колонны. Нужно было решать вопрос с водой. Сколько человек может прожить без воды? Около трёх суток и десять суток без еды. Но страдать от обезвоживания в ожидании, когда их соизволят забрать, особо не хотелось. Кроме того, раненому Хусаинову стало намного хуже, парень старался не показывать виду, но его выдавало бледно покрытое испариной лицо и стиснутые зубы. Видно было, что рана причиняет ему сильную боль.

– Тогда действуем так, выдвигаемся в сторону трассы, выходим на блок-пост. У нас два двухсотых, один трёхсотый. Замостырим носилки и к вечеру должны дотопать. А сейчас, давайте перекусим. Клочко встань в охранение – осторожность лишней не бывает, – распорядился командир отделения.

– А чё сразу я? – вскинулся, назначенный на пост Клочко, – я, вообще-то, и так целый час литёху нашего искал.

Клочко, он же Клочок, призывался недавно, но Михаилу сразу не понравился. Принадлежал он к новомодному среди провинциальной молодежи движению АУЕ, ну или причислял себя к нему. Был человеком хитрым и злобным, жил по «понятиям», в разговоре у него постоянно проскальзывали блатные, жаргонные слова. Вечно наводил «движение», хотя что он подразумевал под этим понятно не было, и сам он объяснить не мог. «Зоновская», тюремная романтика глубоко проникла в сознание молодых людей, многим заменила спорт, увлечения, учебу. Да и заниматься в сельской местности и небольших городках особо было нечем. Клочок постоянно пререкался с сержантами, а иногда даже с офицерами. Люди с такими жизненными принципами были знакомы Михаилу, оставалось только надеяться, что армия перевоспитает этого бойца, но к сожалению это не всегда получалось. А пока у Клочко оставалась прежняя система морально-нравственных координат: «Клюй ближнего, сри на нижнего». В подобной ситуации, приближающейся к экстремальной, дисциплина была крайне важна, Соболев это прекрасно понимал, и поэтому резко пресёк возражения:

– Если в табло не хочешь получить – будешь стоять, понятно тебе?

Клочков молча взял автомат и отошел в сторону.

Всего у каждого в вещмешке был один сухой паек, так что в ближайшие сутки голодать не придется. Несмотря на то, что последний раз ели во время ужина ещё накануне, Мещеряков предложил экономить, чтобы оставить еду еще и на завтрашний день. Костер разжигать не стали, консервы подогрели на таблетках сухого спирта. Поздний обед получился из консервированной перловой каши с галетами, хотя кто-то предпочел солянку, запили все это остатками воды. Чувство насыщения не пришло, но сосущее чувство голода заглушить удалось.

Теперь необходимо было придумать из чего сделать носилки для погибших и распределить поровну патроны. В ближайшем лесу срезали четыре жердины, продели их в рукава застегнутого плаща ОЗК, и импровизированные носилки были готовы. Так как автоматов теперь оставалось только шесть штук, то патронов вышло по три магазина на ствол. Убитых положили на носилки, но смотреть в мертвые лица ребят, с которыми делили пищу и все тяготы

армейки было невыносимо, и поэтому тела сверху накрыли плащами. Первое отделение 103-го взвода было готово к выходу.

Глава 3

Степь

– ... Или вы можете сесть в свою машину и уехать.

– И почему это вдруг?

– Потому что есть пути, на которые лучше не вставать.

Раньше такие на картах отмечали «Здесь живут драконы».

Теперь не отмечают. Но это не значит, что драконов там нет.

Фарго

Первым вышел Егоров. Так как он был наиболее опытный в плане ориентирования на местности, было решено отправить его в авангарде в качестве разведчика. По расчетам Соболева отряд должен был выйти на шоссе к вечеру. По мере продвижения менялся окружающий ландшафт. Лес, изначально находившийся по левую руку, быстро редел и, наконец, его сменили редкие, одиноко стоящие корявые березки, а вскоре они уже шли по открытой степи. Передвижение затрудняла высокая растительность, и идти по ней, да еще и с носилками, было очень трудно. Периодически меняя друг друга, бойцы, тем не менее, скоро выбились из сил, и скорость движения и так не высокая совсем упала.

– Давайте передохнем чуток – предложил Мещеряков.

Возражать никто не стал, и все шумно повалились на землю. Воды оставалось совсем не много, и солдаты, озабоченно булькая флягами, прислушиваясь, сколько еще осталось драгоценной жидкости, делали аккуратные глотки.

Парни сидели, разминая уставшие суставы, кто-то стянул берцы и поправлял сбитые носки. Михаил присел возле носилок с телами друзей и закурил, он не курил с утра – сначала было некогда, потом испытывал жажду, а усиливать ее не хотелось. Сейчас он забил легкие горьким, крепким дымом дешевых сигарет, голова сразу закружилась – так часто бывает, когда курильщик делает долгую паузу.

Тут он обратил внимание на поднимающееся облако пыли на горизонте. «Наконец-то, это за нами» – облегченно подумал Михаил. Кто еще может поднять такую пыль? Только автотранспорт. Оставалась только немного подождать, а там уже пища, вода и помощь. Даже утрата оружия и предстоящие разбирательства не пугали. Рядовой Сидоров отбежал в сторону справиться нужду пока еще есть время, а то потом может и не представиться такой возможности.

Между тем облако пыли стремительно приближалось, и с ним стал нарастать звук – мерный глухой гул. Сколько же машин едет? Или может танковая колонна, слишком много пыли и какой-то не характерный звук. Предчувствуя недоброе, Михаил взял автомат на изготовку и передернул затвор. Столб пыли стремительно приближался, и вскоре стало понятно, что это не автотранспорт, а стадо животных. Уже можно было различить горбатые силуэты каких-то копытных. Времени на раздумье не оставалось, и Соболев только успел крикнуть:

– Оружие к бою!!! Все держитесь рядом!!!

Услышал ли кто-либо его последние слова в нарастающем топоте, Соболев не понял. Уже были видны морды животных, скачущих в первых рядах. Выпученные, налитые кровью глаза, мохнатые горбатые силуэты, небольшие широко расставленные рога, коричневые завитки густой шерсти шапкой закрывали лоб животных. «Неужели бизоны» – промелькнуло в голове. Он присел на одно колено и открыл огонь по бизонам. Слева и справа раздались выстрелы, наиболее сообразительные последовали его примеру. Пара быков повалилось на

землю в нескольких метрах от их группы, задние сходу налетали на упавших, началась свалка. Это замешательство в центре заставило стадо разделиться на два русла, и теперь животные могучей рекой огибали парней с двух сторон. Уши заложило от топота бесчисленных пробегающих мимо животных. Глаза и уши забились поднятой пылью. В нос ударил крепкий мускусный запах. Впереди стада неслись большие сильные быки, в середине уже бежали звери помельче – самки и молодняк. Сколько продолжалась безумная скачка, было не понятно. Наконец, поток животных стал истощаться и превратился уже в одиноких животных, скачущих в поднятых стадом пыльных облаках. Вероятно, в арьергарде этой «армии» находились старые и больные бизоны.

Ошалевшие от такой встречи солдаты протирали лица, отряхивали одежду. Прямо перед ними лежали две огромные туши – это были самцы, по которым в начале и открыл огонь Михаил. На самом деле он точно мог поручиться, что попал в нескольких животных, но убить дикого зверя не так-то просто. С большой вероятностью раненные животные погибнут, но сколько они еще успеют пройти за это время, не известно. Лежащим перед ними повезло меньше, сразу несколько остроконечных пуль калибром 5.45 миллиметров пробили массивные черепа и убили бизонов. Именно это и спасло их от смерти, убитые разделили своими телами бегущее стадо на два русла, и парни остались на островке в относительной безопасности.

– Миха, а это что вообще было?? – спросил кто-то из парней.

Увиденное не укладывалось в голове. Таких зверей уж точно здесь не водилось, да и во всей России тоже.

– Похоже на бизонов, – не уверенно ответил Соболев.

Михаил также не мог разобраться, откуда здесь вдруг взялись бизоны. Вспоминая фильмы, которые крутили по NatGeo, он не мог вспомнить с уверенностью чем внешне отличаются бизоны от зубров, хотя точно помнил, что эти мощные травоядные живут только в Америке. Да и то, их там почти полностью истребили. Он как-то слышал, что несколько особей завозили в Россию, скрещивали с зубрами и даже успешно получили потомство, но эксперимент этот проводился где-то на северах. Да и в таком количестве, а увиденное ими стадо было в несколько тысяч голов, нахождение тут таких животных было просто невозможно. Может быть, что какой-то безумный олигарх занимался разведением диких бизонов или зубров, но скрыть этот факт от глаз общественности и научных кругов во времена тотального засилия интернета и камер мобильных телефонов не получится. Ближайший заповедник находился примерно в ста километрах от этого места, но и там, кроме краснокнижных сайгаков, мало кто обитал.

Еще одна загадка, а времени подумать и выдвинуть хоть какую-либо стройную теорию происхождения не было – голова была забита сиюминутными проблемами. Сейчас его больше занимал раненный боец и отсутствие воды.

– Да, это определенно бизоны, только не спрашивайте меня как они тут оказались.

– Мужики, а может мы в Америке? – Мещеряков также, видимо, обдумывал сложившуюся ситуацию, – а что? Может спецоперация какая-нибудь, или учения совместные... Сложили нас бессознательных в вертолет... и вот, высадили здесь.

– Да... и двухсотых заодно, чтобы тоже поучаствовали? Нет, это исключено.

– Может тогда мы в параллельном мире. Ну, есть же теория о параллельных вселенных. Вспышка открыла врата – и вот мы перебрались.

Михаил задумался, выдвинутая теория выглядела, конечно, ерундовой, но по крайней мере все объясняла.

– Парни, а где Сидоров? Сидорова кто видел??

Действительно, одного бойца не хватало. Соболев мысленно застонал. Ко всем проблемам еще не хватало кого-нибудь потерять.

– Командир он отлить же отходил – вспомнили бойцы.

Для поисков отделение разошлось веером, стали осматривать близлежащие замятые кусты и в двадцати метрах нашли пропавшего. Он просто не успел вернуться, а может растерялся и попал под копыта. Зрелище заставило содрогнуться всех. Впечатлительный Хусаинов Рамиль даже не стал подходить. Лицо Сидорова было разбито, и черты лица не угадывались под слоем крови. Правая рука была неестественно вывернута, он был без сознания, но жив – его грудь тяжело и шумно вздымалась при каждом вдохе, при выдохе на губах пузырилась розовая пена. Рядом валялся раскуроченный автомат и патроны, выпавшие из раздавленного магазина.

– Саня, Саня!! – Мещеряков пытался растормошить молодого, шлепал его по щекам, но Сидоров в сознание не приходил.

– Вить, не трогай его. Сейчас нельзя, может позвоночник сломан. Внутренние органы, похоже, что точно повреждены. Хуже бы не сделать.

Многокилограммовые бизоны не оставили шансов человеку, попавшему под их копыта. Все беспомощно столпились вокруг умирающего товарища, бессилье угнетало. Хотелось хоть как-то помочь, но что делать, как облегчить положение никто не знал. Егоров положил под голову валик из плаща ОЗК и смоченной тряпкой протирал детское конопатое лицо Сидорова. О дальнейшем движении речи идти не могло. Соболев для себя уже решил остаться на ночь прямо тут – перемещение пострадавшего, пусть даже и на носилках, могло попросту убить его. Это понимали и остальные. Михаил отозвал в сторону Мещерякова.

– Витя, дальше мы с раненым идти не сможем и оставаться тут ждать непонятно чего тоже, сам понимаешь. Возьми кого-нибудь и вдвоем попробуйте дойти до блокпоста, если он еще есть... По моим прикидкам идти часа два.

– Не вопрос. Хусаинова возьму.

– Как дойдешь, бери машину и сразу сюда, ок? Если даже на блокпост не выйдешь, то мимо трассы пройти не должен. Лови любую попутку и возвращайся. Мне не важно как, хоть поперек дороги ложись или под стволом тормози. Главное, Сидорова надо в больничку, боюсь, что не протянет он долго.

Мещеряков медлить не стал, позвал одного из близнецов и двинулся в сторону шоссе.

Теперь следовало разбить лагерь. Скинув с себя лишние вещи, Михаил взял автомат и пошел искать дрова. Не смотря на кажущуюся простоту задуманного, найти топливо никак не получалось. Деревья в этом месте не росли, соответственно, не было ни сучьев, ни хвороста. Он кое-как наломал прутьев из низкорослых редких кустиков, нарвал пучками прошлогоднюю сухую траву, вернулся к своим и принялся разводить костер. Сухая трава загоралась быстро, но также быстро и сгорала, в итоге плюнув на это дело, он угрюмо уселся у незадачливого костра. «Переночуем как-нибудь и без огня», – подумал Соболев. Оставался еще сухой паек, так что до утра проживем.

– Миша, без огня никак нельзя, – сказал подошедший Егоров, – если тут есть бизоны, значит и есть те, кто их жрет. Кровь привлечет хищников, надо либо уходить от убоины, либо разводить костер и желательно не один.

– Без сопливых тошно. Тоже мне Беар Грилс. Траву всю ночь жечь будем?

– Сейчас дрова будут. Натаскайте пока травы и наломайте кустов побольше на растопку, – сказал Егоров и с озабоченным видом удалился искать дрова.

Соболев махнул рукой:

– Делайте что хотите, – и сел рядом с ранеными. Остальные начали собирать растопку. Сидоров не приходил в себя, грудь его тяжело и шумно вбирала воздух. Лицо было белым как мел. «Долго не протянет», – подумалось Михаилу. У Хусаинова дела обстояли тоже не очень. Судя по всему, у него поднялась температура. Лоб покрывала испарина. Он сидел по-турецки, сложив ноги, и качал прострелянную руку, как ребенка. Невооруженным глазом, даже через повязку было видно, что рука распухла.

Через полчаса вернулся довольный Егоров, в охапке он нес засохшие коровьи лепешки, а может и не коровьи, но в их ситуации это было не важно. Высушенный временем и солнцем навоз травоядных, иначе называемый кизяк, вполне себе не плохо горит, дает необходимую температуру, чтобы приготовить пищу и согреться. Остальные, вдохновленные примером многоопытного Егорова, пошли собирать кизяк, а сам Егоров вооружился ножом и направился разделять тушу бизона. Первым делом он извлек печень и, разрезав на тонкие ломтики, предложил остальным. Сырая печень Соболеву, как и большинству, не понравилась – вкус, как говорится, «на любителя». Тем не менее Егоров как заядлый охотник, круто посолив ломтики, ел с удовольствием. После чего уже начал вырезать филейные части туши.

Через час на жарких углях парни уже крутили большие куски мяса, нанизанные на шомпола. Мясо убитых животных пришлось очень кстати, это позволило оставить остатки сухпайка в качестве неприкосновенного запаса. Да и вообще консервы не сравнятся со свежим мясом, пусть даже диким, ни в питательности, ни по вкусовым качествам. На импровизированных шампурах мясо шкварчало и испускало аромат шашлыка, запах знакомый всем с детства. Только сейчас Соболев почувствовал насколько он голоден, и жарящееся мясо только усилило голодные спазмы желудка. Мясо бизона оказалось несколько жестким, с незнакомым запахом и никак не походило на привычную говядину, тем не менее Соболеву ужин показался удивительно вкусным.

Так как жареное мясо храниться гораздо дольше, чем сырое, то решили запастись провиантом. Егоров посоветовал жарить мясо небольшими кусочками и хорошо высушивать его на углях. Соболеву сразу же вспомнились прочитанные в детстве книги про индейцев, основным рационом которых служило мясо бизонов. Коренные американцы, для того чтобы хранить мясо дольше делали из него пеммикан – высушенное и истолченное в порошок мясо, способное храниться на протяжении долгих месяцев. Оно служило незаменимым продуктом в походах, в голодные весенние месяцы. Еще одно незаменимое качество этого продукта его легкость и компактность, главное держать в сухом месте. Кроме того, охотники добавляли в полученный мясной порошок сушеные ягоды и травы, чтобы восполнять запас витаминов в организме. Так что истина в советах охотника Егорова несомненно была.

Соболев подошел к раненому Хусаинову.

– Давай-ка посмотрим твою руку.

Михаил ножом разрезал повязку и снял шину. Рана выглядела довольно скверно и уже начала гноиться. Рука распухла, покраснела и явно чувствовалось повышенная локальная температура, что говорило о воспалительном процессе. Медлить было нельзя, при таком положении дел гангрена может начаться в любое время, а это чревато как минимум потерей конечности, а еще более вероятно и самой жизни, потому как об отрезании руки живому человеку без анестезии, в полевых условиях, без инструментов и каких-либо медицинских знаний и навыков, речи быть не могло. Более тщательно ощупав руку, Михаил предположил, что кость не задета – это несколько упрощало положение дел. Но пулю, застрявшую в мягких тканях, необходимо извлечь, причем немедленно.

– Муртаза, пулю надо вытаскивать прямо сейчас, – тихо сказал Соболев

Хусаинов обреченно кивнул, и Соболев начал нехитрую подготовку к предстоящей операции. Раскалил на огне штык-нож и шомпол, достал из вещмешка остаток бинта. Воды практически не оставалось и рану промыть было нечем. Промывать опять мочой Соболев не стал, так как уже давно все они страдали от обезвоживания, и моча любого из них была темно желтого цвета, а значит с большим содержанием мочевины, солей и черт его знает чего еще. Как такой состав может повлиять на открытую рану Соболев не знал и рисковать поэтому не собирался. Используя шомпол как щуп, Соболев аккуратно погрузил его в пулевое отверстие пока не услышал характерное металлическое позвякивание, когда кончик шомпола наткнулся на свинец. Теперь оставалось самое болезненное – извлечение пули. Михаил попросил Ключко

подержать «пациента», и тот крепко ухватил руку Хусаинова за плечо и зафиксировал локоть. Необходимо было сделать надрез, для того чтобы пальцами достать пулю. Такую процедуру Соболев несколько раз видел в кино, так что общее представление об операции имел, да и крови не боялся, и даже один раз сам себе снимал швы – поленился идти на прием к врачу. Муртаза глубоко вдохнул, сжал зубы и зажмурился. Соболев сделал глубокий надрез по диаметру раны, сразу же потекла струйка бледной крови, и Михаил, не давая опомниться задохнувшемуся от боли Хусаинову, залез пальцами в зияющий разрез, не без труда нащупал скользкую от крови пулю и, зацепив кое-как ногтями, вытащил ее.

– Держи на память.

Михаил всучил извлеченную пулю Хусаинову. Тот, хоть и находился в полубморочном состоянии, зажал сувенир в здоровой руке.

Рану решил не зашивать – внутри могла остаться грязь или инородные предметы, например, куски кителя, увлечённые снарядом. Если зашить, то заживет, конечно, значительно быстрее, но существует большая опасность нагноения, а так рана будет естественным образом дренироваться, и организм будет стремиться избавиться от чужеродного тела, если оно там есть. Соболев наложил на рану чистый бинт, перевязал руку бойцу и похлопал его по плечу:

– Всё, Муртаза, ты держался молодцом, теперь поешь и постарайся уснуть. Тебе сейчас нужно набираться сил.

Уже наступили сумерки, когда в лагерь вернулись Мещеряков и Рамиль Хусаинов. Самые худшие ожидания оправдались – найти блокпост или хотя бы дорогу им не удалось. Прислушавшись к совету Егорова, по периметру лагеря развели несколько костров, чтобы отпугнуть хищников, если таковые объявятся. Прошедший день, насыщенный трагическими событиями, сильно вымотал солдат физически и морально, и поэтому все молча лежали или сидели у костра и смотрели на огонь. Разговаривать не было уже ни сил, ни желания. Соболев осмотрел товарищей по боевому крещению. Мещеряков и Хусаинов, уставшие с долгой дороги, жевали остывшее мясо и подогревали дополнительные куски на огне. Муртаза после проведенной операции спал, было видно, что извлечение пули принесло ему облегчение. Клочко сидел на корточках перед костром и задумчиво тыкал хворостинку в пламя. Егоров, уже по обыкновению, был занят, он вырезал деликатесные языки у бизонов. Соловьев просто лежал на спине, уставившись на небо и сложив ногу на ногу, курил сигаретку. В руках он крутил зажигалку, что сразу привело на мысль об экономии спичек и газа в зажигалках. Соболев про себя отметил, что утром надо будет провести инструктаж и разрешить использовать спички и зажигалки только для розжига костра. В любом случае курить придется бросать всем.

День догорал. Последние лучи заходящего солнца унесли с собой свет и жизнь Сидорова. Он перестал дышать на закате. Кончина еще одного члена группы удручила их и без того подавленное состояние. Соболев назначил людей на караул и распределил между ними часы дежурства. Прилег на один бок поближе к костру и попытался уснуть, но, несмотря на физическую усталость, сон никак не шел. Мозг постоянно прокручивал события сегодняшнего дня, и Михаил пытался мысленно сформулировать что же именно с ними произошло. Версию о каком-либо перемещении в пространстве он отменил, окружающий ландшафт хоть и поменялся, но не настолько, чтобы можно было говорить, что они находятся в другом месте или тем более на другом континенте. Наличие несоответствующей данному региону фауны говорило об обратном. Флора также не соответствовала. Еще во время дневного перехода Егоров иногда задумчиво крутил в руках какое-либо растение, когда Соболев спросил его об этом, Егоров ответил, что раньше не видел таких трав. В теорию о провале в пространстве или во времени также пока всерьез не верилось. В ночном небе проступили звёзды, и знакомые с детства созвездия Большой и Малой медведицы не много успокоили. Очертания двух ковшей все-таки говорили о том, что они по-прежнему находятся на своем континенте и в своей полушарии, либо, по крайней мере, уж на своей планете точно. Внутренне Соболев боялся увидеть

на небе две луны, как в каком-нибудь плохом фантастическом фильме. Погрузившись в свои мысли, Михаил незаметно для себя уснул, как это часто бывает после насыщенного событиями дня и после физической нагрузки. Долго спать не пришлось, ночью его, да и всех, кто спал в этот момент, разбудили звуки, доносившиеся с того места где оставались лежать туши бизонов. Сначала Соболев подумал, что это хищники, может волки или собаки – слышался визг и грызня, вызванные дележом добычи, но к звукам, естественным для этих животных, примешивался не то хохот, не то плач. Вскоре в темноте заблестели зеленые огоньки не добрых глаз. Фосфорические отблески окружили лагерь со всех сторон, посчитать, даже примерно, количество незваных гостей было невозможно – осторожные твари не подходили близко и не попадали под свет костров. Мещеряков не выдержал и пару раз выстрелил в темноту по неверно мелькающим глазам. Раздался пронзительный визг раненого животного. На какое-то время звери разбежались, но немного спустя опять вернулись к тушам. Отпугнуть таким образом их было нельзя, поэтому решили не тратить попусту патроны, но и поспать толком так и не удалось – звуки пиршества неподалеку ко сну не располагали. В неверном свете слабых костров то и дело мелькали горбатые силуэты каких-то животных. С первыми лучами солнца не званые гости покинули место своего пиршества, оставив после себя туши бизонов с торчащими вверх обглоданными ребрами. После падальщиков забирать остатки мяса не хотелось, был высокий риск подцепить какую-нибудь инфекцию, наподобие бешенства. Хотя, не обязательно это были падальщики, ведь мимо мертвого животного, тем более умершего не давно, не пройдет ни один хищник, но рисковать все же не хотелось. Тем более солдаты уже успели нажарить мяса впрок, и на пару дней его должно было хватить.

Встал ребром вопрос с пресной питьевой водой. За ночь последние капли воды, остававшиеся во флягах, были выпиты, и жажда усиливалась. Соболев понимал, что вопрос этот превратился в жизненно важную проблему и его необходимо решать безотлагательно. Как он помнил из карты, ближайший населенный пункт находился примерно в пятидесяти километрах от места их дислокации, ближе была только чабанская стоянка. Даже если учесть, что деревню так же как и дорогу и других следов жизнедеятельности человека найти не удастся, то с учетом того, что окружающий ландшафт практически не поменялся, воду можно будет найти все равно, так как все поселения всегда строились вблизи источника воды. Воду можно найти на чабанской стоянке – животных тоже нужно поить. Михаил колебался между двумя этими вариантами. Все-таки деревня ближе к цивилизации, и если пойти туда, то возможно удастся найти дорогу, связь, медицинскую помощь или хотя бы появятся другие идеи. После некоторых раздумий Михаил решил вести людей на чабанскую стоянку, которая была намного ближе, даже с учетом пройденного за вчерашний день расстояния, да и вообще, найти цивилизацию он уже не надеялся.

Нести на руках тела, теперь уже троих погибших, не известно куда и сколько по времени представлялось решительно не возможным, и потому, вооружившись саперной лопаткой, Михаил молча начал копать землю. Все поняли его без слов, возражать никто не стал – все помнили, как вчера было тяжело нести носилки. Вскоре к нему присоединился Мещеряков. Земля была достаточно сухая, и копать землю, не знаящую плуга, было тяжело. После того как сняли слой дерна, стало легче, но каменистая почва позволила выкопать неглубокую могилу не меньше чем за два-три часа, даже сменяя друг друга. Могилу выкопали неглубокую, всего- то около метра глубиной, но широкой – достаточной для того что бы положить в нее троих. Похороны прошли быстро и в угрюмом молчании, тела погибших молча положили в яму, накрыли брезентовыми плащами и закопали. Сначала, как заведено, побросали комья сухой земли, потом закопали лопатками. Сверху присыпали небольшой холмик и прикатали в изголовье небольшой булыжник. Закурили. Михаил постарался запомнить это место, но не был уверен, что в последствии найдет его. Однообразный пейзаж: степь и редкие кустики не

давали зацепиться глазу не одним ориентиром. Кто-то предложил произвести салют, но Соболев отверг эту инициативу – нужно было беречь патроны.

Глава 4

Жажда

*«Мы познаем ценность воды,
лишь когда колодец пересыхает».*

Б.Франклин

После скорых похорон отряд выдвинулся к месту предполагаемой чабанской стоянки. Настроение у всех было подавленным, и Соболев по ходу движения старался внимательно следить за вверенным ему коллективом, пытался заметить изменения в поведении солдат. Люди, впавшие в отчаяние, могут легко поддаться панике, навредить себе и окружающим, а вооруженные люди опасны сами по себе, особенно в экстремальной ситуации. Однако заметить какие-либо тревожные признаки Соболев не смог. Все угрюмо шагали по высокой траве.

По предположениям младшего сержанта в данный момент они находились как раз в том регионе, где сибирская тайга уступает место монгольским степям. Армия столетних исполинов – сосен и их подручных – берез и осин редееет под натиском степей, и чем южнее, тем слабее становятся силы древесных воинов. Кое где ещё встречаются авангарды великой зеленой армии – небольшие леса и перелески, особенно вдоль пересыхающих на лето ручьев и мелких речушек. Но закаленная суровым климатом степь, опаляемая летом невыносимо жарким солнцем и обвеваемая ледяными ветрами зимой, безжалостно расправляется с деревьями, а за Ононом степь властвует уже практически безраздельно, лишь изредка здесь попадаются жалкие кусты и искривленные ветрами стволы уродливых деревьев.

Разнообразие животного мира, даже в этой суровой местности, поражало воображение. Под ногами шустрили маленькие ящерки, до этого ему приходилось видеть их лишь в передвижных зоопарках, время от времени приезжающих в областной центр. Он и не предполагал, что в этой климатической зоне ящерицы вообще водятся. Несколько раз Михаил чуть не наступил на гнездо какой-то птицы, судя по всему, яйца были отложены не давно, и отряд не медленно пополнили запасы провизии. Таким образом, через пару часов удалось насобирать с десятков яиц самой разной раскраски и размеров.

Над головой порхали разнообразные птицы, несколько раз пролетали даже гуси, причём летели они как раз в том направлении, куда держали путь бойцы. Соболев про себя отметил, что гуси – птицы водоплавающие, и, соответственно, обитают у водоемов, этот факт немного его приободрил.

Груз ответственности лежал на плечах, и Михаил почти физически ощущал его, он старался даже не думать о том, что будет если не удастся обнаружить воду. Солнце к этому времени стояло уже в зените и заметно припекало спины. Жажда усиливалась. Вспомнилось про индейский способ борьбы с жаждой, Михаил подобрал маленький круглый камень и сунул его в рот. Способ действительно оказался действенным – хоть немного, но пить хотелось меньше.

– Интересно, уже настало время пить мочу? – спросил Соловьев.

– Блин... Соловьев... ты бредишь что ли? Ты полдня только без воды

– Можешь моей попить, мне для друга не жалко – тут же отозвался Мещеряков.

Соловьев хохотнул, но от такого «щедрого» предложения отказался. Отряд продолжил свой путь

По пути наткнулись на лужу, воды в ней было немного. Многочисленные следы копытных окаймляли лужицу со всех сторон. Вода была мутной и с неприятным запахом, однако желающие утолить мучавшую жажду все же нашлись. Соболев, хоть и сам испытывал нестерпимое желание пить, приказал не прикасаться к воде. Для полного счастья не хватало еще подцепить

желудочное расстройство, дизентерию или какое-нибудь другое не менее опасное заболевание. Ключко, не обращая внимания на командира, все же припал к луже и, отгоняя руками «жабью икру», делал большие глотки. «Да и хер с ним» – мысленно махнул на него рукой Михаил. Примерно через час выпитое дало о себе знать, и Ключко вприпрыжку побежал до ближайших кустов. Дальше стало еще хуже, в итоге отряд останавливался через каждые пятьсот метров – приходилось ждать исходившего поносом сослуживца.

– Российские солдаты не должны болеть поносами – назидательно говорил Мещеряков каждый раз, когда Ключко отлучался по нужде, – и пить всякую дрянь, особенно ту, что не горит.

Опасность заключалось в том, что и без того обезвоженный организм солдата обильно избавлялся от жидкости, что грозило вполне вероятной смертью от элементарного обезвоживания. Ключко мог в буквальном смысле «известиться на говно».

Вопреки довольно медленному темпу передвижения ко второй половине дня группа вышла к месту вчерашнего происшествия, тут непрерывная голая степь кончалась, попадались стайки березок, отдельные деревья – начиналась полоса лесостепи. К северу от них начинался лесной массив, который буквально через несколько десятков километров вливался в уже сибирскую тайгу. Дойдя до ближайшего перелеска и долгожданной тени, Михаил скомандовал привал. Парни с удовольствием развалились под деревьями в приятной долгожданной прохладе. Дневной переход под палящим солнцем изгонял из организма драгоценную влагу, это было видно даже на глаз: пересохшие губы и форма в белых от пота разводах, пот выступал даже через кожаные берцы. Егоров, не теряя времени, тут же попытался раздобыть березового сока. Сделал ножом несколько разрезов на ближайших березах, но соки, текущие в дереве в середине весны, к началу июня прекратили уже свой ток, и затея оказалась безрезультатна. Соболев вспоминал все известные ему способы добычи воды в естественных условиях, на ум приходило только собирание росы, но для этого нужно провести много времени на одном месте и в утренние часы, и к тому же собранной влаги явно не хватит.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.